

ВЛАДИМИР ЛЕОНОВ

Презрел и трон, и плаху

А. С. ПУШКИН

Владимир Леонов
Презрел и трон,
и плаху. А. С. Пушкин

*http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=40275617
ISBN 9785449618375*

Аннотация

Размышления и впечатления современника о А. С. Пушкине:
«Пора и мне.. пируйте, о друзья! Предчувствую отрадное свидание; Запомните же поэта предсказанье: Промчится год, и с нами снова я, Исполнится завет моих мечтаний; Промчится год, и я явлюся к нам».

Содержание

От автора	5
Глава. Нам не надо создавать Национальную идею	28
Конец ознакомительного фрагмента.	50

Презрел и трон, и плаху

А. С. Пушкин

Владимир Леонов

© Владимир Леонов, 2019

ISBN 978-5-4496-1837-5

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

От автора

Данная книга – это эссе, обостренный взгляд современника на родоначальника русской словесности, для воплощения которого приходится глубоко изучать и пропускать через призму своего жизненного опыта множество фактов из биографии Пушкина. Это кропотливая и осмысленная работа, прочтение которой заставляет мыслящего человека задуматься о серьезных вещах- «В глухоманном веществе заострять запредельную зоркость»:.

Пора и мне..пируйте, о друзья!
Предчувствую отрадное свидание;
Запомните же поэта предсказанье:
Промчится год, и с нами снова я,
Исполнится завет моих мечтаний;
Промчится год, и я явлюся к вам»...»

Единая линия судьбы великих земель России, «литературных гигантов» на ладони истории русской словесности (Пушкин. Лермонтов. Гоголь).

Литературность. Красота. Бессмертие. Божественность. Литературное бессмертие противостоит земной кончине...
Поэзия, неопределимая до конца, как сама Жизнь...
Трагическое переплетение личных судеб, русской госу-

дарственности и империи, сожительство поневоле, трон Величин, венчанный знаками Истории. Некая общность, которая по странности бытия проявилась в жизни великих мастеров слова и российской империи: *«Когда я вскоре умирать буду, то никто не придет ко мне, кроме Черного гостя...»*

В России писатели были всегда сродни духовникам – они исповедовали и принимали на себя грехи всей нации:»

Любовь и тайная свобода
Внушали сердцу гимн простой,
И неподкупный голос мой
Был эхо русского народа».

Великий мирянин России, ее поэтический пророк, вечно присутствующий в нашей жизни: *«Святая Русь мне становится не в терпеж... что до славы, то ею в России мудроно довольствоваться... но клянусь честью, ни за что на свете я не хотел бы переменить отечество или иметь другую историю, кроме истории наших предков такой, какой Бог ее дал»* – Пушкин.

Нет России без ее великих патриотов. Нет России без ее великих властителей дум. То и другое вместе – явление русского духа. Имя которого – Пушкин. Сродни духовному началу – Национальной идее: **«Мое имя принадлежит России».**

«Благославляя колеи

Язык Пушкина поражает читателя счастливой смелостью. Он – адвокат внутреннего мира, находящегося в глубине человека. Он – против Золотого тельца, которого признают за бога. Категорически настаивающий, что Россия есть самостоятельный и жизнестойкий организм. Разрывающий пелену гнусно – извращенных порождений о исторической немощи России. Истинный защитник России.

Властитель ее дум и духа. Милость к падшим призывавший- В каждом разбойнике чтит распятого в безднах Бога. Верил в человека. Не верь князю тьмы. Толпу не уважал.

Суровый обличитель лжи и несправедливости.

В кантовском моральном императиве – вся сущность Пушкина, все содержание и вся форма: « *Звездное небо над головой и моральный закон внутри нас*».

Его всегда волновали Русская Земля и Русский Человек. «Страшные загадки русской души...» И воспринимал и вмещал в своем сознании далекую древность и современность России, все поведение и умонастроение Великого народа: « *Ведь он русский: стало быть, ему все под силу, все возможно!*». Впоследствии А. Ахматова словно обратится к А. С. Пушкину – «Иди один и исцеляй слепых...»

Тосканский литератор маркиз Чезаре Боччела (современник Пушкина) писал: «...*Пушкин был общепризнанным гением, одним из немногих поэтов, которые оказывали столь*

мощное воздействие на массу своих современников, что они могли еще при жизни получить в награду их самое восторженное восхищение; его смерть была оплакана как подлинно национальное бедствие и оставила невосполнимую пустоту в русской литературе».

Другой европеец через 150 лет после гибели Пушкина дал блистательный свод Величия русского поэта: « С ним русская литература вошла в мир, как сама Россия вошла с императрицей Екатериной Второй в число великих держав. То европейское сияние, которое, как и русское, исходит от Пушкина, было спроецировано, как лазером, в Европу, от Гоголя до Достоевского, и перед этим новым источником света Европа не могла устоять».

А через 200 лет после рождения Пушкина официальный орган Ватикана газета «Оссерватер Романо» поместила обстоятельная статью с броским заголовком: «Лирический поэт русской души».

Он воспринимал жизнь как невольное сожительство Веры и Знания, дуалистическим сбором всеядных Иерусалима и Афин, а потому наполнял емкость жизни страстью, драмой и трагедией:

Я тайности свои и небеса отверзу,
Свидения Ума Священного открою.
Я дело стану петь, несведомое прежним!
Ходить превыше звезд влечет меня охота
И облаком нестись, презрев земную низкость.

Он переносил на свои страницы куски этого ристалища, как их преподносила жизнь, ничего не смазывая, не причесывая и не сглаживая. Не стесняясь, тут же на страницах, плакал и восхищался, бичевал и весело хохотал, любил и негодовал, клялся и отрекался:

...я еще

Был молод – но уже судьба и страсти
Меня борьбой неравной истомили...
И бурные кипели в сердце чувства
И ненависть и грезы мести бледной.

То поляна, вся в цветах и солнце, и вдруг лунный свет сгустился и вместо росы упал на траву и листья... и «тень лесов Тригорских»:

...Вздыхать о милой старине
И сельской музе в тишине
Душой беспечной предаваться...
...Я буду мыслию всегдашней
Бродить Тригорского кругом,
В лугах, у речки, под холмом,
В саду, под сенью лип домашней.

И выражал это в произведениях – потрясениях, книгах – пробуждениях, книгах пророческих: «талантом, знанием и умом» давал примеры обществу, «служил его поль-

зе», побеждая душевные скорби и муки, побеждая раздираемые его сомнения:

На лире скромной, благородной
Земных богов я не хвалил
И силе в гордости свободной
Кадилом лести не кадил.

И трепетал, и осуждал и обличал, но пером водило главное – желание трезво взглянуть на народ и Россию, бесстрашно разобраться в запутанности народной жизни, в невероятной сложности характеров и мировосприятия миллионов.

«Вращается весь мир вокруг человека»

И одновременно нес светлую стихию веры в нетленную мощь русского уклада и русского характера, связывал свой диагноз исцеления страны с надеждой на ее гальванический прорыв, чтобы не допустить высыхания мозгов до размеров в горошину, а примитивное, пресное и безразличное не залило темным чернилом душу. Делом всей его жизни стала битва на душевном поле русского человека, где языческое чистое начало покрывалось роковыми трещинами и язвами нового века, помутненного аспидными разрушительными парами клятвоотступничества, оборотничества, алчности.

«...На святой Руси не было, нет и не будет ренегатов, то есть таких выходцев, бродяг, пройдох, этих расстриг и патриотических предателей...»

В. Белинский

Эссе призвано производить впечатление... Автор исходного материала не скрывает, что она старалась и сама почувствовать Колумба русской литературы, «неприглаженного и непримазанного» Пушкина, переболеть глубиной его мысли, литературной дерзостью, роскошью поэтических образов, полнотой жизни, бьющей из него увлекательным фонтаном; и также вызвать у читателя искреннее желание снова коснуться красивых и глубоких текстов русской классики.

«До капли наслажденье пей, / Живи беспечен, равнодушен! / Мгновенью жизни будь послушен, / Будь молод в юности твоей!»

Пушкин нужен нам и дорог, как и Россия, где бы русский человек ни жил – в России или за ее пределами. Никто не знает своей судьбы, как и не знал великий поэт. Главное – надо знать и помнить, что мы – православные, что Россия – великая страна, коль бог ей посылает таких поэтов: *«Восстань, Пророк, и виждь, и внемли, / Исполнись волею Моей, / И обходя моря и земли, / Глаголом жги сердца людей!»*.

Пушкин и потому классик, что он во все времена современен и актуален.

Русская стихия мощно зарокотала в слове Пушкина. И ве-

ликакая тайна его творчества приоткрывается, лишь тогда, когда понимаешь, что творчество это было соприкосновением с Солнцем, Небом, Творцом.

Если бы сегодня мы говорили языком Пушкина, это была бы другая страна, без оболванивания иноземной интервенцией: «таргетирований», «аутсорсинга», «рекрутинга», «банкинга», «дайвинга», «яхтинга», «шопинга», «лифтинга»...

На каждом новом историческом этапе подтверждаются слова, сказанные И. А. Гончаровым: *«...Пушкин – отец, родоначальник русского искусства, как Ломоносов – отец науки в России. В Пушкине кроются все семена и зачатки, из которых развились потом все роды и виды искусства во всех наших художниках».*

Пушкинская широта в познании и изображении действительности, идейно-философская глубина, историзм и вместе с тем острое чувство современности, живой интерес к народным движениям, проникновенное внимание к «простым людям» – всё это оказало могучее воздействие на писателей и художников разных поколений: Н. В. Гоголь и М. Ю. Лермонтов, Н. А. Некрасов и М. Е. Салтыков-Щедрин, Ф. М. Достоевский и Л. Н. Толстой, А. П. Чехов и М. Горький...

Переводя сюжеты и мотивы Пушкина на язык музыки, создавали свои произведения М. И. Глинка, П. И. Чайковский, А. С. Даргомыжский, М. П. Мусоргский, Н. А. Римский-Корсаков, А. К. Глазунов, С. В. Рахманинов, С. С.

Прокофьев, Р. М. Глиэр, Б. В. Асафьев, Д. Д. Шостакович. С именем Пушкина связали своё творчество художники О. А. Кипренский, В. А. Тропинин, К. П. Брюллов, И. Е. Репин, В. А. Серов, М. В. Нестеров, В. Г. Перов, В. И. Суриков, А. Н. Бенуа, В. А. Фаворский. Пушкинская драматургия способствовала совершенствованию реалистического мастерства актёров и развитию сценического искусства.

История общественно-литературной борьбы, связанной с именем Пушкина, критическая интерпретация и исследование его творчества, охватывающие почти 150 лет, породили целую отрасль литературной науки. Советские текстологи-пушкиноведы освободили тексты Пушкина от цензурных и редакторских искажений, ввели в научный оборот многие неизвестные ранее тексты. Эта работа получила выражение в 17-томном академическом издании сочинений Пушкина и в многочисленных позднейших изданиях

Популяризации пушкинского наследия способствуют Всесоюзный Пушкинский музей в Ленинграде, Музей А. С. Пушкина в Москве, Пушкинские музеи в Михайловском, Болдине, Кишинёве и др.

Книги рассчитана на широкую читательскую аудиторию, истинных ценителей живого русского языка, русской литературы:

Блажен, кто Знает
Сладострастье

На взгляд автора, Пушкин подсознательно адресовал нам, современникам, следующее послание:

«Живите всегда влюбленными в возвышенное, страстное и недоступное вам. И чтобы этот приворот оказался стойким, откажитесь воспевать сладость трясин, дебрей и болотц, прельщаться этой гламурной славой; обращайтесь к разуму, а не свахам – чтобы довести бриллиант до алмаза, усилий надо больше, чем таланта и наследственности.

Не смейте умахлять своих заслуг! Не превращайте себя в гражданина Геенны, отбывающего пожизненное наказание, а жизнь не называйте печкой – местом вечных мук.

Носите в себе ум первого, а не последнего разбора; не кряхтите под тяжестью жизненных полениц и не обременяйте богов стенаниями и бабскими всхлипами. Лучше быть подстрелянной птицей, которая хочет подняться, но не может, чем мечтателем на костылях Уньиния – так называемое явление плода ума лукавого.

С костылем времени уйдешь дальше, чем с окованной палицей Геркулеса. Сам Бог карает не дубиной, а кручиной».

«Сидя под палящим солнцем, мальчик наблюдал, как молодой человек сосредоточенно откалывал куски от большой

скальной глыбы.

– Почему ты делаешь это?

– Потому что внутри спрятан ангел, и он хочет выйти наружу», – ответил Микеланджело»

Жизнь – трудный путь. За свои короткие годы я ходила разными дорогами. На каких-то меня встречали ветра, дующие в лицо. Какие-то были ровными и прямыми. Многие – темными и опасными. Однажды пробудился и понял, что уже много лет пробираюсь по узкой тропе, ведущей в никуда.

Я хотела совершать за день столько дел, сколько большинство людей не успевают сделать и за год. А потом – еще столько же. И освободить время для самых важных в жизни вещей.

Обычно наша жизнь – погоня за комфортом, материальным и эмоциональным. И в этом нет ничего плохого. Если мы не упускаем главное – заботу высшего порядка. Что мы хотим от нашей жизни? Это принципиальный вопрос. Мы здесь, в настоящем. Но зачем мы здесь? Что представляет собой каждый из нас как индивидуум? Что мы хотим сделать с нашей жизнью?

Нам всем это знакомо. И как же среди нас много тех, кто не может сойти с ложного пути, не говоря уж о том, чтобы отыскать новую дорогу, где можно найти смысл жизни, а значит, свое счастье, волю и долю.

Христианский мыслитель эпохи Возрождения писал:

«В каждой душе живет тяготение к счастью и к смыслу».

Когда я была подростком, я хотела быть счастливым. И не просто счастливой, а быть в числе самых счастливых людей на свете. Но и этого мне казалось мало – еще я хотела, чтобы моя жизнь была осмысленна. Я испытывала себя вопросами: «Зачем я родилась? С какой целью Творец послал меня на землю? Зачем я живу, что я должна делать, и за что я умру? Какой уголок на земле я занимаю, и что я значу?»

Кроме этого, я хотела быть свободной. И не просто свободной, а быть одним из самых свободных людей на свете. Свобода означала для меня «способность делать то, что ты считаешь необходимым».

С возрастом я стала понимать, что многие знают о необходимости и полезности, но у них нет силы воли, чтобы это делать. Они просто живут в оковах – «рабы, прикованные к тачке».

Я искала ответы на все эти вопросы, спустя время поняла, что мое так называемое «счастье» ничем не отличалось от «счастья» любого другого: оно такое, чтобы «примкнуть, подчиниться и наестся». Оно полностью зависело от обстоятельств. Пока все шло гладко, я была счастлив, а когда дела шли в разнос, у меня на душе становилось мучительно безысходно. Вот такой сложился порочный круг.

Я была, как лодка в море, которая попала в волны – обстоятельства. Видимо, именно на такой случай в Библии есть слово, очень подходящее для описания такой жизни: ад.

Я не знала тогда еще, что жизнь – это не высокие горы, за жизнью надо нагнуться.

Я не знала никого, кто бы жил по – другому; я не знала никого, кто мог бы научить меня жить по – другому; я не знала никого, кто мог бы дать мне силы изменить жизнь. Все вокруг только говорили мне, что я должна делать, но никто не мог дать мне силы, чтобы это делать. Я начала испытывать постоянную неудовлетворенность, скрытый заглушенный стон: человек, который мечется в поисках смысла и применения своих недюжинных сил.

Я была искренен в своих попытках найти значение, истину, смысл и, конечно, чувствовать себя счастливым.

Иногда мне хотелось стать камнем- казалось, легче быть камнем, чем человеком. Легче согреть камень, чем разбудить сердце человека. Камни остаются камнями, что бы с ними ни произошло, а вот люди могут потерять свое человеческое начало, их сердца могут закаменеть... Самый холодный камень может быть согрет солнцем, и, если к нему прикоснуться, он отдаст свое тепло.

А вот сердце человека замерзает до такой степени, что вернуть ему былое тепло не в состоянии даже самое жаркое солнце и, чтобы отогреть его, надо иметь огромное терпение, потому, что иногда на это уходит вся жизнь. Это явление Достоевский одозначил, как *умиление своей мерзостью...*

Судьба и творчество Пушкина волнорезом вошли в мое обветшалое и пресное сознание, что наша жизнь – это мо-

ре, по которому мы должны идти бесстрашно, как по земле, и осознавать, что все в жизни происходит по необходимости, через борьбу и преодоление; проводить день без тревоги, трусости и притворства; а для этого быть теми, кто помнит и знает, о чем помнить, чему молиться и не «собирать себе сокровищ на земле».

И еще я поняла, Пушкин мне это исподволь подсказал – как сложится судьба, никто не знает... Но жить надо свободно и не бояться перемен. Когда Бог что – то забирает, не упусти того, что он даёт взамен... Как говорил мизантроп, любитель свободы и холостяк Шопенгауэр: *«Сделать человека счастливым не входило в планы Творца».*

Словом, быть в жизни похожим на светлячка, который светит только в полете и не зависит от милости цветов. И помнить о словах Экзюпери, что все мы – *дети одного корабля, уносимого течением времени.*

Все, что нужно, – это делать шаги с той самой закваской из философской и поэтической ноты Пушкина, с емким определением *«Жизнь задыхается без жажды жить».* Из далекого и теперь уже недостижимого для меня времени я слышу слова из этой пушкинской ноты:

– Вы пришли в этот мир не для того, чтобы быть неудачником. В вас течет кровь победителя, а не жертвы. Прометей, а не Терсита. Вы пришли для мысли и деяния, чтобы совершить *«Подвиг, стяжавший в потомках больше славы, чем веры».*

Вы не овца, терпеливо ожидающая кнута пастуха. Откажитесь ходить в овечьей отаре, стоять в хлеву и быть мясом для бойни. Откажитесь слушать стоны и жалобы. Станьте Панургом, под флейту которого пляшет и слабый и сильный мира сего.

Зачем Вам плясать под чужую дудку, лучше танцевать под собственную музыку!

Выбор только за Вами, чтобы земная жизнь была как амброзия – напиток бессмертных богов. И была названа: «Прекрасное и яркое создание»

Вам дана природой одна великая способность – творить жизнь по собственному вкусу и желанию, исполненную счастья, радости, достатка и любви. Помните: *«Самое худшее безумие – видеть жизнь только такой, какова она есть, не замечая того, какой она может быть».*

Наполняйте жизнью свои годы, а не прибавляйте их к своей жизни: по количеству прожитых лет никто вам не скажет, что вы прожили достойно: *«Завтра, завтра, всегда завтра – так проходят годы».*

Мыслите для собственного удовольствия! Поступайте для собственного удовольствия. Если вы пытаетесь доставить удовольствие каждому, это разрушение вашей целостности: *«И будет судить не по взгляду очей своих, и не послуху ушей своих будет решать дела»* – Библия. Ветхий Завет.

Каждый создает то, что он из себя представляет – либо Вы искра Гефестова огня, прометеевская гордость и дерзость

либо Печальник и Тосковальник.

В жизни всегда нужно что –нибудь любить, что –нибудь делать, на что –нибудь надеяться. Жизнь бездельников не терпит, даже Земля – и та вращается!...

«И что ж? всегда смешным останется смешное;

Невежду пестует невежество слепое» («К Жуковскому», 1816)

Еще в детстве, мальчиком проживая в крохотном селе-нии у опушки леса, я представляла свою родину Россию как большую сказочную страну, которую населяют мужественные герои – трепетным детским сердцем ощущал все это могущество, богатство и счастье, а красота учился ценить и понимать любовь.

Правда, говорить о любви к родине у нас в деревне было не принято – она была такой же естественной и незаметной, как воздух, которым дышишь. Как свет, который видишь. Без них просто нельзя жить, вот и все.

В каждом доме затерянного поселочка держали собак и топили печки, вокруг которой, завершив дневные хлопоты, собирались все домашние, чтобы поговорить «за жизнь». Долгими зимними вечерами, усевшись за большим столом, наши добродушные родные вели нескончаемые беседы, обсуждая свои взрослые дела, а мы, озорная детвора, прижавшись к жарко натопленной печи, под треск горящих полен

слушали бабушкины сказки. Тепло было в деревенской избе с ее незамысловатым бытом, которое и не замечалось из-за поселившихся в ней навсегда искренности, счастья и смеха.

Шумел на улице пронизывающий ледяной ветер: то ровно гудел в печной трубе, а то вдруг завывал, как голодный волк, или внезапно стихал в снежной пыли, словно окутанный нежной ленью. И казалось нам, что там, в снежной круговерти, злодействуют и дерутся между собой черти и ведьмы, а Баба-яга в ступе с метлой летает над крышами деревенских домов. А тут и бабушка, хитро посмотрев на нас и точно угадав душевное смятение маленьких сердец в ожидании чуда, певучим и мягким голосом начинала нараспев с доброй мечтательной улыбкой:

*«Буря мглою небо кроет,
Вихри снежные крутя,
То, как зверь, она завоет,
То заплачет, как дитя».*

Мелодичные стихи, легкие и напевные, меняли ритм наших сердец, вызывая в них бурю эмоций и чувств. Мы замирали, очарованные музыкой слов, а бабушка нежно гладила нас по головкам и многозначительно вздыхала: «Пушкин... Это Пушкин!» А мы просили еще и еще... Пушкинские строки завораживали, покоряли нас простотой и искренностью чувств, они были такими теплыми, одухотворенными и живыми, словно сама жизнь.

*«Там, на неведомых дорожках,
Следы невиданных зверей»,*

– вслед за бабушкой повторяли мы вслух волшебные слова, которые проникали в самые потаенные уголки детской души. И виделись мне незаметные следы этих таинственных зверей, подобные которым я нередко обнаруживал поутру на белом снегу за домом. Усеянное ими снежное поле выглядело таким нарядно разрисованным, что невозможно было оторвать взгляд от этой необыкновенной красоты – будто кисть художника прошла по холсту!

Чарующие строки ложились на душу и запоминались сами по себе, внося в детские сердца радостное восприятие жизни и придавая ей волшебство и загадочность:

*«...кот ученый
Свои мне сказки говорил.
Идет направо – песнь заводит,
Налево – сказку говорит».*

Светлый Пушкин! Дивный Пушкин!

«...его можно узнать из тысячи!!»

*«Надо мной в лазури ясной
Светит звездочка одна,
Справа – запад темно-красный,
Слева – бледная луна...» —*

и я сразу видела въев этот закатный зимний пейзаж: и звездочку, и луну, и красный горизонт... Пушкин вел наши детские ощущения по проселкам и дорогам древней Руси, открывая для нас ее тайны и таинства.

От этой ворожбы, многообразия и яркости пушкинских образов, непрерывно и кругообразно плывущих и меняющихся, подобно ранним туманам и облакам, невольно возникал облик заповедной России с дремучими лесами у лукоморья и волшебным мощным духом.

А здесь еще пробегающий временами над крышей дома ветер напоминал своим шелестом о тех далеких волшебных временах...

Словно прекрасный и юный бог сна Гипнос, неслышно летит Пушкин на своих крыльях с поэтическим жезлом в руках и льет из рога чарующий лирический напиток. Нежно касается Гипнос, воплощенный в Пушкине, своим чудесным словесным жезлом детской души, и она наполняется карамельной сладостью, расцветает как молодой тюльпан, ярко и красочно.

Я опушу веки, закрою глаза и увижу. Это словно в ночь зажигается фонарь. И вижу круглые заснеженные горы, густые оливковые рощи, стада кудрявых овец у подножий гор.

Трогательный Пушким! Чародей вольнодумный и знаток тайн!

За ночь вровень с домом выростала целая снежная гора.

Утром на санках летишь с нее вниз – дух захватывает. Папа сделал мне из неотесанных талин лыжи, и я каталась на них с горки дотемна, пока не доносился со двора зов обеспокоенной мамы. Стихотворные строчки всплывают сами по себе, можно было не только произносить нараспев, но и петь – каждое пушкинское стихотворение подсказывало мотив и мелодию.

И я мечтала, и тихо пела, и все у меня внутри сладко томилось под звучание строк, вышивая на детской душе это нехитрое слово «любовь»:

*«Спой мне песню, как синица
Тихо за морем жила;
Спой мне песню, как девица
За водой поутру шла».*

А вот и замерзшее декабрьское солнце осторожно поднялось и удивлено и ласково оглядело землю, покрытую нетронутым мягким снегом. Прозрачное морозное утро исподволь наполнялось светилom и чистотой искрящегося под его лучами снега:

*«Под голубыми небесами
Великолепными коврами,
блестя на солнце, снег лежит».*

Все вокруг кажется волшебным и удивительно прекрас-

ным, белым и чистым: и легкие узорчатые снежинки, летящие на землю для тепла и красоты, и пушистый снег, нежно укрывающий задумчивые ветки деревьев, и колючий иней, причудливой мозаикой украсивший замерзшие оконные стекла.

Все -таки природа – это мир сказки!

Я просыпаюсь с ощущением радости, потому что это так светло и ликующе воскликнул во мне Пушкин: «Мороз и солнце, день чудесный!», и подарил мне с этим напевным стихом изумительный образ:

«Еще ты дремлешь, друг прелестный...»

И я весь день ношу в себе этот восторг и восхищение жизни.

Вот таким солнечно-волшебным вошел в мое детство Пушкин да так и остался в нем навсегда единственным и неповторимым, не имеющим себе равных, потому что «...из тысячи фигурок, даже одна на другую поставленных, не сделаешь Пушкина».

Через Пушкина я чувствовал и русскую землю, и небо, под которым родилась и жила. Он возвращался из своего отсутствия, живой и видимый, всматривался в меня своими всепонимающими голубыми глазами и говорил открыто:

«Соберитесь иногда читать мой свиток верный...»

А я, забыв могильный сон,

*Взойду невидимо и сяду между вами,
И сам заслушаюсь, и вашими слезами
Упыюсь... и, может быть, утешен буду я
Любовью...»*

Как я сокрушался, что не была современником Пушкина! Уж точно, не дала бы убить его на дуэли – грудь бы свою подставила, но не дала. Убийца Дантес был для меня самым отвратительным человеком на земле.

А когда я повзрослел, прочитал то, что я чувствовал в детстве, но высказать так точно, красочно и увлекательно не мог: «...мне нравилось, что уходим мы или приходим, а он – всегда стоит. Под снегом, под летящими листьями, в заре, в синеве, в мутном молоке зимы – всегда стоит.

Наших богов иногда, хоть редко, но переставляли. Наших богов, под Рождество и под Пасху, тряпкой обмахивали. Этого же мыли дожди и сушили ветра. Этот – всегда стоял» (Марина Цветаева)...

Вот такой в моем детском сердце жила волшебная страна... Россия – Родина среди нежных берез, утопающая в ветках черемухи.

В долгие зимние вечера мудрые и неторопливые старики вспоминали войны, которая вела Россия, чтобы оставаться свободной и независимой. А бабушки на старомодный манер с благоговением рассказывали нам, внукам, какая она сильная и бесстрашная – эта страна с названием Россия, самая главная в мире и такая большая, что нет ей конца и края.

И все это завоевали для нас наши предки, смелые и мужественные.

А затем следовали дивные истории и чудесные сказки, в которых русские богатыри всегда побеждали своих врагов, а русских никто и никогда не мог одолеть, ибо не случилось еще такого, чтобы покорилась кому-то земля русская. И каждое слово наполняло нас священным трепетом и гордостью за наш великий народ... видела я в своем воображении князя Олега, победителя греков, как он прибывает щит победителя к цареградским воротам, а рядом с ним его храбрая дружина, и до меня доносился голос этого великого русского героя: «Кто более и славнее меня в свете?»

Потрескивали поленья в печи, тепло и уютно в доме. Здесь незримо присутствовала мудрость, а в наших душах – щемящая нежность и безграничное чувство родины с простотой Пушкина, идеалами Лермонтова, смехом Гоголя, верой Достоевского и мудростью Толстого. Притихшие от волнения, мы впитывали в себя эту негромкую и чистую любовь, – «скрытую теплоту патриотизма» – и грезили подвигами во славу своего отечества.

Вот так я, мальчишкой, представлял себе Россию – огромный край, находящийся в самом центре земли, свободный и могучий, где даже войны и бедствия не могли убить доброту и мудрость, где поселилось счастье и славился так нужный на земле труд.

Глава. Нам не надо создавать Национальную идею

Нам не надо создавать (придумывать) Национальную идею. Она была создана 200 лет назад. Ее звучание одинаково на всех языках мира – Пушкин: «Пушкин – наше все!»

Его назвали в 1827 г. «гением пламенным» – журнал «Московский телеграф».

«Первый современный Поэт Русский Александр Сергеевич Пушкин»

Любимец Муз» – «Северная пчела» 1827 г

«...его можно узнать из тысячи!!»...

«...из тысячи фигурок, даже одна на другую поставленных, не сделаешь Пушкина».

Нет пророков в родном Отечестве. Мы ищем тайную мудрость в письменах тибетских монахов, у Будды, Конфуция, О. Хайяма; в предсказаниях Нострадамуса; пропорциях египетских пирамид; календарях индейцев Майя.

А как же наши духовные наставники, пастыри. Наш Пушкин. Мой ответ краток и содержателен: Пушкин – это бренд русской литературы, символ русского языка. А. С. Пушкин – это кладезь свободы и духа – " он... *жгучим вдохновеньем вышивал жизни красочный узор...*»

Пушкин – это тот, в ком вызрела «великая душа», он ее постоянно растил и пестовал, ибо в жизни только великодушные души «упавших простит» – «Был он русским по движению души». – *«Там день и ночь горит лампада // Пред ликом Девы Пресвятой; // Души тоскующей отрада...»*

Пушкин -это духовная исповедь человека эпохи, к которой он принадлежал, и эпохи, к которой принадлежим мы. Духовная и мотивационная логика Позитивного Мышления и Настроения: *«Всегда надеяться на свет после мрака»* (Библ. Ветхий Завет). Это как в храме побывать, когда читаешь Пушкина, так чисто на душе становится.

Доброхот от Бога. Властитель емкого личного и ускользающего вечного, жрец высокого искусства, и потому он вызывал споры, восхищал многих и раздражал отдельных – одни признавали Пушкина ветхозаветным Авелем, духовным маяком в вопросе о смысле бытия, другие – архетипом Каином, первым библейским клятвопреступником. Мощное символическое наполнение его души – «житницы двух миров» на этой райской планете под названием «Земля»: звездного, идеального, и земляного, пыльного, в болотцах, дебрях:

И сердце вновь горит и любит оттого,
Что не любить оно не может».

Художник эпохального масштаба и эпохальных форм выражения. Поэт, чья палитра *«знала небо, но была проникну-*

та землей», разрушая духовный бонапартизм века с его всеядным милитаристским безумием. Мудрец и философ, в котором сходились общие для человека и человечества идеалы земного устройства («вечного мира» на земле), сходились и в представлениях о человеческом счастье, понятиях о человеческой личности, капитальных принципах порядочности и нравственности, Добра и Зла, и о гармонии, земной и художественной.

Вынужденный затворник, пребывающий в своей душевной келье, которая нередко становилась для него очистительной купелью, жил мечтой страстной: извечно не мается и не кается, видеть в пророчествах судьбы только Любовь чудесную, слезинку милую и белый бархат цветущих по весне всех цветов и деревьев Русского Армидина сада.

Античный мифологический Харон, мечтающий перевозит душу человека от скверны, равнодушия, к трепетному состраданию.

Как волшебник и чародей, он исторгал у современников одновременно и радость, и смех, и слезы; брал самые высокие аккорды чувств, очищая от зависти, алчности и уныния; звуками его лиры был изумлена вся Русь – она еще подобного никогда не слыхала, жадно прислушивалась и ощущала, как наполнялись все нервы ее жизни благоуханием чудесного.

С детства мы воспринимаем Первого Поэта России Александра Сергеевича как эпикурейца, оптимиста. Мы неверо-

ятно обольщены русским поэтическим Аполлоном, «Солнцем с душой человека» и совершенно им покорены. Мы восхищены и изумлены пламенным стремлением Пушкина к красоте, правде и добру, его поэтической смелостью и жаром глубокого убеждения. Живое земное создание, «Радуга с драгоценными цветами» подарившее нам новый поэтический язык и новые поэтические миры, облекший их в простое и ясное русское слово, чистое и прелестное в своем звучании.

«Это невозможно», – сказал Опыт.

«Это невысказуемо», – отрезал Разум.

«Бессмысленно», – обронила Гордость.

«А ты попробуй», – прошептала Мечта.

И он не просто попробовал... Дитя России первого тысячелетия исполнил «души полет» – запечатлел собственную иллюстрацию времени, личный взгляд на его пороки и добродетели в самой высокой и звенящей поэтической форме, тем самым став для России «Счастьем на кончике языка».

Он властвовал думами. Он вдохновлял нацию. И делал это по царски: красиво, щедро и с любовью. Он говорил ей о ценностях, убеждениях и жизни, которой она хотела жить, поднимая ее интеллект и душу на высоты славы отечества.

Простой, ясный, доходчивый язык поэзии и прозы, соединенный с повышенной выразительностью и образностью, –

вот такой он, пластичный и рельефный, пушкинский язык. Он, как исповедь народа, захватывает, побуждает вслушаться, читать, переживать, осмысливать – слова здесь, как золотые ключи апостола Петра, правильно подобранные, открывающие любую душу...

Этот язык – он такой родной, такой русский, мудрый, дерзкий и осторожный, с той самобытной стройностью, и смысловой ясностью, и выразительной патриотической ноткой, которая исподволь наполняет русского человека чувством гордости за свою родину, свою нацию.

Как чародей, Пушкин владел таким могучим языком, умел мыслить очаровательными образами и воплощать свои переживания в русском слове, да с такой насыщенностью, будто опрокидывается пьянящий ковш «правды сущей», которой издревле отличалось и славилось русское слово.

Его язык прививал вкус к родному языку и любовь к Родине. Он очень светлый и по – настоящему добрый. И потому вызывал только светлые ощущения, чувство, полностью внятное сердцу.

Русский Ахиллес, побеждающий Боагрия, дикую силу невежества. Он не гряз в суете, рутине и покое. Он всегда делал первый шаг к тому, чтобы быть в настоящем. Он жил в этом настоящем, как ребенок, ничего не пропуская и делая самое важное для себя, людей: *«Доколе я в миру, я свет этого мира».*

Жизнь для него не была готовым к употреблению продук-

том. Ее порождали его действия. Он понимал и создавал ясную картину миру, возможность для русского человека прикоснуться к знаниям, которые становились мировоззрением целого народа, всей Руси:

*«Там чудеса: там леший бродит,
Русалка на ветвях сидит;...»*

«Русалка» – два корня, два слога: рус – Русь, алка – Мудрая (по стар. – слав.). Русь для него – страна сказочная, мудрая. Она всегда живет у него на «высотах создания». И весь народ и вся нация – именно так. На меньше он не соглашался. Немного – это так оказалось много!

Он строил самую высокую башню на земле. Литературную Вселенную. Поднимался к ней по лестнице, по ступенькам веры, как библейский пророк, и ступенькам разумения, как афинский мыслитель. И всегда оставлял ту ступеньку, на которой стоял, чтобы идти дальше, выше. Это было источником его счастья и наслаждения. В то время, тот миг, тот момент. А большего он и не хотел, потому что нес в себе это древнее правило мира: «Куда бы ты ни шел, иди со своей душой».

Это о нем, литературной Вселенной, было сказано в те далекие библейские времена: «Когда Творец задумал сотворить человека, ангелы разделились на несколько групп: одни говорили Ему: «Не твори», а другие говорили: «Сотвори».

Милосердие сказала – создавай, потому что он творит милосердие.

Истина сказала – не создавай, потому что весь он – ложь.

Правда сказала – создавай, потому что он вершит справедливость.

Мир сказал – не создавай, потому что он – сплошные раздоры.

Для него, Пушкина, прежде всего, существовал человек – живой, антропофил, конкретная явь сущего и – земля, на которой он работает.

Печать исторической эпохи лежит на всех трудах Пушкина: обычный человек с его естественным стремлением к счастью, наслаждению и беспощадная страсть к творчеству; порой она сводила на нет все личные желания...

«Многоплановый» Пушкин – без апологии, но и без обвинительного акта. Победитель – со своим списком побед и – Жертв со своим мартирологом, списком поражений и страданий.

Слова Победителя:

*«И долго буду тем любезен я народу,
Что чувства добрые я лирой пробуждал,
Что в свой жестокий век восславил я свободу
И милость к падшим призывал».*

Слова Жертвы:

*«Молва, быть может, не совсем права,
На совести усталой много зла,
Быть может, тяготеет. Так разврата
Я долго был покорный ученик».*

Если выйти за предела магического круга, созданного очаровательными произведениями поэта, то видятся два Пушкина. Пушкин – поэт и Пушкин – человек. И эти два Пушкина – не всегда составляли одно и то же лицо: человек и поэт в Пушкине – это две большие разницы. Нельзя смотреть на творчество Пушкина как непосредственную автобиографию.

Первым, кто вычеканил двойственный взгляд на Пушкина, оказался Гоголь: *«Поэзия была для него святыней, точно какой – то храм. Не входил он неопрятный и неприбранный, ничего не вносил он туда необдуманного, опрометчивого из своей жизни. А между тем все там – история его самого».* Гоголь подчеркивает, что само творчество не отражает духовную жизнь Пушкина.

Современники, друзья и родные поэта, а также его недруги – злопыхатели, были едины в следующей характеристике личности Пушкина: в жизни легкомысленный, циничный, суетный и раздражительный, до безумия захваченный страстью, безмерно наделенный состоянием дружбы, чести и гордости; в поэзии же – божественный, мудрый и сердечный, и как ребенок, искренний и чистый. Совершенно противоположные явления, протекающие энергично и постоянно в его

собственной натуре, вместившей не только мир русского, но и человечества русского:

«Необдуманнные речи, сатирические стихи (обратили на меня внимание в обществе), распространились сплетни, будто бы я был отвезен в тайную канцелярию и высечен.

До меня позже всех дошли эти сплетни, сделавшиеся общим достоянием, я почувствовал себя опозоренным в общественном мнении, я впал в отчаяние, дрался на дуэли- мне было 20 лет в 1820 (году) – я размышлял, не следует ли мне покончить с собой или убить В...

В первом случае я только подтвердил бы сплетни, меня бесчестившие, во втором – я не отмстил бы за себя, потому что оскорбления не было, я совершил бы преступление, я бы принес в жертву мнение света, которое я презираю, человека, от которого зависело все и дарование которого невольно внушало мне почтение...»

Истинно «не помня зла», поэт прощает Александру I «неправое гонение»:

Он человек! им властвует мгновенье.

Он раб молвы, сомнений и страстей;

Простим ему неправое гоненье:

Он взял Париж; он основал Лицей.

Да, в жизни он был разным, «двуплановым» – и предающим и отрекающимся, и любящим, и верным, а музе своей служил всегда с чувственным благородством; всю свою ко-

роткую мятежную жизнь стоял перед Ней в почетном карауле и выплатил сполна дань всем великим явлениям, образам и мыслям, всему тому, что тогда чувствовала и вынашивала в себе Россия. Никогда уже так свежо и целомудренно страстно не произнесется и горячо не объяснится...

Пушкин – это не благоговейный трепет, а не смущающаяся смелость, всегда искренняя и благородная. Заклинатель и властитель многообразных жизненных стихий. В нем отразилась и высказалась вся наша духовная жизнь, и, как великий муж, был не рабом и данником, а указателем и поучителем моральной и патриотической русской вехи, ее ментальным конденсатом:

Снова тучи надо мною
Собралися в тишине;
Рок завистливый бедою
Угрожает снова мне...
Сохраню ль к судьбе презренье?
Понесу ль навстречу ей
Непреклонность и терпенье
Гордой юности моей?

Поэтические суждения Пушкина о таинствах поэзии, болезнью рифмой, являют собой приличный пример духовных поисков. Свои стихи он уподоблял «полету орла», единственной птице, летящей к солнцу и не слепнувшей. Отправляя поэт молодого орла, «вскормленного в неволе» в поиски

истины, смысла бытия:

Но лишь Божественный глагол
До слуха чуткого коснется,
Душа поэта вострепнется,
Как пробудившийся орел.

Но чувствовал держатель лиры лукавой мир иначе, отражал и перевоплощал своими, несхожими с людскими, поэтическими мыслями, поскольку душа поэта, всмотревшись в мглы бушующего потока, вдруг прикосалась к тихим Откровениям свободы Истинной и обычный человек «чувствовал ее глоток»:

...взглядом и криком своим
и вымолвить хочет: «Давай улетим».
Мы вольные птицы: пора брат, пора!
Туда, где за тучей белеет гора,
Туда, где сияют морские края,
Туда, где гуляем лишь ветер... да я!

Умение и желание рифмовать и мыслить образами – была самая интересная и увлекательная игра в жизни Пушкина. Его поэтический дух. Он перед ним, как часовой, на посту перед культовым явлением. Умение видеть красоту, восхищаться ею, передать ее из мира своего в мир людей, писать и говорить личным продуктом – умом, это как раз при-

сутствие личной готовности быть царем поэтических троп, переходить от явного сравнения, через эпитет к метафоре, сравнению скрытому, подсознательному.

Это все взятое и есть поэт Александр Сергеевич Пушкин, гипербореец, нашедший волшебный рог Оберона- свое внутреннее солнце, внутрений свет, сотворивший Свой Отличительный Масштабный Проект под названием **«Солнце русской поэзии!»**

Отсюда, масштаб собственного творческого накала, жаждащего самовыраженья. Внутреннее озарение, самовозгорание, уподобляемое символическому «ангелу рафаэльскому».

Для Пушкина поэзия – род красоты нетленной, Зевсовой религии стыда и совести, мощных оберегов души человека от порчи, скверны, всех недугов и пороков общества. Поэтика, время и пространство вороша, вызовет и чувственные перенагрузки, рвя жилы и нервы, и спасает от боли души, скуки и депрессии, и ведет дорогой познания, и вытаскивает из водопада экзистенциональных дрязг, рефлексий, неверия – этих вечных капканов «бездонной бездны». От поэтического внутреннего взора Пушкина не ускользала никогда та «красота неземная», которую зрячие не видят, «неземная вера» в божественную проистекаемость вещей и их порядка.

От его блистательных поэтических строф сильно веяло запахом русской землей и они несли непередаваемый аромат русского слова. Каждый читатель неизменно, внимая звуку струн его, подпадал под влияние основательного пуш-

кинского слова, «сладкого ослепления..Свободы сеятеля пустынной»:

...Вздыхать о сумрачной России,
Где я страдал, где я любил,
Где сердце я похоронил...

Современник Пушкина (лишь на четыре года моложе его) Проспер Мериме) благововел перед фигурой русского поэта, признавая его корифеем мировой литературы, ставя в один ряд Пушкина и Байрона:

«Пушкин и Байрон – оба ушли из жизни в расцвета лет и таланта, но уже испытав все радости, которые может дать литературная слава. Как тот, так и другой, оказали огромное влияние на развитие литературы своей родины... беспорная слава обоих теперь всеми признана...»

Пушкин всей безудержной мощью таланта и воли носил в себе мироощущение солнца – светлый луч с Позитивным началом, присущим миру. Луч света с душой человеческой. Считал, что жить – это самое главное для человека, и тогда все, что укрепляет корни жизни – свято, благословенно.

«Быть без слез, без жизни, без любви» – не для него. Жизнь очищенная от слепых низменных чувств, бьющая огненным фонтаном – это его полнота Бытия, полнота Напряжения, полнота Наслаждения. И благодаря этой жертве он считал каждого человека – богом:

*«И сладострастные прохлады
Земным готовятся богам»*

Он нес сознательное даровитое чувство красоты, способность по узенькой пятке дорисовать весь образ, способность находить «странную приятность» в «потухшем взоре и помертвелых глазах черноокой Инесы» («Каменный гость»).

Радикальный лейтмотив воззрений Пушкина, ажурное переплетение и дуалистическое прочтение – выражение «*Ты прав, мой друг, – напрасно я прозрел*». Парафраз, словесная инверсия стихотворения Гейне:

*Я не верю ни в Бога, ни в Черта,
Ни Новый, Ни Ветхий Завет.*

Гротеск, мощная аллегория парадокса, но с бездонным символическим наполнением: поэт не верить в мнимую святость, льстивое ханжество, он там, где антропофил, человек возводит свой «Храм Соломонов» не в болотцах и дебрях, а на чистоте помыслов, в юдоли земной шеи не гнет, не раболебствует, на затворе держит амбары души от вожделений «демонического зла» и жизнь не превращает в «мышиную беготню». Это так органично с душой и сердцем поэта, его собственной сутью. В этом – главный смысл и основная задача творческого горения Пушкина, его внутренней капсулой вулканических поэтических даров.

Пушкину всегда был интересен Человек, духовная сущ-

ность в видимом телесном саркофаге, его внутренний мир, его переживания – как незримая Истина века, сверкающая точка в темном мире Вселенной. Конъюнктурный и конкурентный феномен действительности, поставленный волей Творца в центр мироздания, космоса.

Тема Люви к человеку у Пушкина вне конкуренции, вне низких стилистических заквасок. Вера в светлое предназначение человека – концептуальный Светильник в творчестве поэта, его Катехезис, Авангард позитивного мышления. Поэт вел землянина из мира дольного, бесприютной обители души тревожной, в мир горний, «божественно чистый»

Труд у поэта Пушкина – неизбежность, не недопомогание души тоскливой, а мужицкий, по-настоящему труд чернорабочего, бурлацкий- напряженный, кропотливый и неустанный. Отдыхом праздным для поэта были лишь в образном представлении автора «*метанья снов ночных*».

Творческим детонатором для Пушкина в труде поэтическом являлось предвосхищение, что в душах людей прорастет семя брошенного им зернистого слова обильным цветением живого первоизданного чувства – *жить со всем жаром солнца*.

Как волшебник и чародей, он исторгал у современников одновременно и радость, и смех, и слезы; брал самые высокие аккорды чувств, очищая от зависти, алчности и уныния; звуками его лиры был изумлена вся Русь – она еще подобного никогда не слыхала, жадно прислушивалась и ощуща-

ла, как наполнялись все нервы ее жизни благоуханием чудесного, всех цветов и деревьев Арמידина сада (Торквато Тассо – «Освобожденный Иерусалим»): *«Невозможно обозреть всех его (Пушкина) созданий и определить характер каждого: это значило бы перечесть и описать все деревья и цветы Арמידина сад»*.

(В. Г. Белинский, Литературные мечтания).

Он жил, как Аполлон. Монашеская, отшельническая жизнь – не для Пушкина. Одинокая келья или скит – не его обитель. Он ушел покорно и без сопротивления, а жил как молодой Аполлон.

Тот играл на флейте, а Пушкин – на поэтической лире.

Тот имел пышные поля, а этот – земли, моря и горы России.

Оттенок кожи первый имел светловатый, а второй —многоцветно – прекрасный.

Там – веселая свита из молодых пастушек, здесь – из светских львиц и простолюдинок.

И там, и тут – воспевание сладостей не трясин, дебрей и болотц, а наслаждений и удовольствий.

И в том и этом – трепет страсти безрассудной. Несомненно, мир между ними был заключен навсегда – между этими двумя Богами. И ведь с явным и очевидно просматриваемом ключом к ответу пишет А. Блок: *«Мы поклоняемся Пушкину как Богу, хотя знаем, что он не Бог»*.

Греческий христианский мыслитель, автор термина «Бо-

гочеловек» Ориген дал толкование вопроса – что такое Бог? *«Наш ум своими силами не может постичь самого Бога, но познает Отца всех тварей из красот дел и великолепия Вселенной».*

А это означает, что Пушкин явил собой великолепие Вселенной под названием Россия – ведь красота дел его земных не меркнет, патиной времени не затягивается, а арапский профиль украшает стены и обложки религиозных и светских мировых культовых объектов.

«Когда же он решался быть любезным, – пишет А. Керн, – то ничто не могло сравниться с блеском, остротой и увлекательностью его речи». Брат Пушкина Лев дополняет: «...он становился блестяще красноречив, когда дело шло о чем –нибудь близким его душе, тогда он являлся поэтом...»

Великий мирянин России, ее поэтический пророк, вечно присутствующий в нашей жизни; живой, как ртуть, кудрявый ясноглазый человек, одетая в гранит задумчивая фигура которого возвышается на собственном духовном пьедестале:

*«...Только прикоснусь к его строке —
И потонут все ночные тени
В этой вечно утренней реке...
И свечой горя в тумане тусклом,
Пробиваясь ландышем в пыли,
Каждой жилкой биться вместе с пульсом,
Русским пульсом Матери – Земли».*

Переставляя своих богов, слова и образы, по усмотрению недремлющего поэтического внутреннего взора, вверив себя чуткой подсознательной душевности, Пушкин воспроизводит вонне фонтан чудодейственных строк, коктейль великолепных речевых оборотов, называемых автором данных строк с очаровательной иронией» мое эгоистическое милое сумасшедствие» :

Я вижу берег отдаленный,
Земли полуденной волшебные края;
С волненьем и тоской туда стремлюся я,
Вспоминаньем упоенный...

В стихах, обращенных к вечным темам и проблемам человеческого бытия, просматривается явное тяготение Пушкина к аллегоричности и притчевости, которые становятся одной из характерных черт его поэзии – лирической и трогательной, звонкой и пронзительной.

Автор в деталях, в подробностях воссоздаёт многоликое, всесильное Зло: равнодушие, безжалостность, чёрствость. В этом расчеловеченном мире людей уже нет, лишь тени, свора псов голодных, циклопы, супостаты, комья грязи. Бесконечен ряд негативных образов, создающих тягостную атмосферу: смрад, чернота, нечистоты, вонь, пустота, тлен, мрачная бездна, обоз смерти и завершающие его, грозные – неотступная старуха-смерть и царство Аида – с диким трехглавым псом Кербером.

Читатель буквально, физически ощущает «хлад осенний... до костей»; и как метафорически: как постоянное ощущение одиночества, незащитности в мире, враждебном человеку.

Этот мотив переходит у Пушкина из физического мира в нравственное пространство, в котором он, Поэт, летописец пороков века, продуваемый гоголевскими ветрами «со всех четырех сторон», познавший убийственную силу Зла, чудовища Ахеронта, на себе, считает его разрушительным средством, растленным для души!

Над всеми образами Аида как символа униженной Души, обвинения Упырю злу возвышается образ Печальника, фигура Поэта, просящего милостыню для людей, увещевающий вывести их из отрога:

...И долго буду тем любезен я...

Что милость к падшим призывал

Образ обобщённый, многозначный. Сильный. Колоритный.

Мотив неумирающего Человека – из древнего пришедший «В тебе есть все... В тебе – извечные пути». А впоследствии с пушкинским моральным корпусом соотнесла свой «Реквием» Ахматова: «*Опять поминальный приблизился час, /Я вижу, я слышу, я чувствую вас...*».

Трагизм судьбы человеческой переходит у Поэта грани-

цу тления, чтобы вернуться живым финалом, пушкинским Истинным нектаром, что присутствие Смерти дарит присутствие жизни. И История мученичества, ветхой Старухи у пепелища человека, облагороженная величием строк Пушкина, симптоматически переходит в историю подъема человеческой жизни:

Эллеферия, пред тобой
Затмились прелести другие,
Горю тобой, я вечно твой,
Я твой навеки, Эллеферия!

(Слово «эллеферия» греческое, в переводе на русский означает «свобода» – *авт.*)

Мировоззренческая установка Пушкина проста и не затейлива: кто не верит в себя, тот останавливается на подступах к раю: *«Жизнь есть лишь то, что ты думаешь о ней»* (император Рима и философ по совместительству М. Аврелий). У поэта своя судьба, своя доля и своя мечта-смотреть на мир глазами счастливых людей, потому что у них соблазны и вожделения не подавляют увлеченность, страстность и развитие и во всякой неудаче они видят новый опыт, новую мораль, новое поученье: *«Величайшая слава не в том, чтобы никогда не ошибаться, но в том, чтобы уметь подняться всякий раз, когда падаешь».*

Творит огненно и остро, живет азартно, проявлением эмоций, настроений – не цепенеет, внося в мир свои неповторимые пушкинские стили – воспевание незримой связи звезд, пространства и человека:

Мороз и солнце; день чудесный!
Еще ты дремлешь, друг прелестный —
Пора, красавица, проснись:
Открой сомкнуты негой взоры
Навстречу северной Авроры,
Звездою севера явись!

Да таким проникновенным и чувствительным словом, когда хочется ему душу отворит, чтобы растворилась печаль, вернулась ласточкой молниевидной изъятая из жизни весна и почувствовать как светла жизнь и так красива, будто на белый снег упали янтарные грозди рябины. словно вкушаешь молодильные яблоки Гесперидова сада и ощущаешь, что опрокидывается на тебя полный ковш живой воды, берущей начало в новозаветных преданиях. А память вытаскивает из своих дальних сусеков высказываник Ф. Ларошфука, точно выражающих суть описываемого состояния:

«Ветер задует свечу, но раздует костер».

Высвечивая мифопоэтическую изнанку обыденного мира, изгоняя из него буквализм – это искусственное гетто- Пушкин увязывает надежду человека не с филологически трепетными изысканиями, а с хирургическим вмешательством, ко-

гда анатомическим ножом вскрывается боль, слепящая свет,
и с гальваническим прорывом в потаенные уголки души:

Я стал доступен утешенью;
За что на бога мне роптать,
Когда хоть одному творенью
Я мог свободу даровать!

В авторском исмыслении, поэт поднимает на высоты за-
предельные мысль следующего исторического чертежа:

«...каков дух времени и каковы люди стали. На крапиве
не родится виноград, из лжи не выведешь правду; *из смеше-
ния лени, равнодушия, невежества с безумием и развратом
не возникает сам собою порядок.* Что мы посеяли, то и долж-
ны пожинать. Всем равнодушным к правде людям очень
темно и тяжело, ибо, сравнивая настоящее с прожитым, дав-
но прошедшим, видим, что живем в каком-то ином мире, где
все точно идет вспять к первобытному хаосу, и мы посреди
всего этого брожения чувствуем себя бессильными».

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.